

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Сулова Ивана Владимировича «Реидеологизация цифрового общества», представленную на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия

Поскольку переход от деидеологизации к реидеологизации в России осуществляется в настоящем и еще не завершен, по крайней мере, в форме конституционного закрепления официальной государственной идеологии, запрос на философскую рефлексию происходящего является особенно актуальным. Диссертационное исследование Сулова И.В. «Реидеологизация цифрового общества» является одним из вариантов ответа на данный запрос, причем в более широких рамках, выходящих за пределы государственных границ и национальных ценностей.

Актуальность исследования определяется тем, что мы, не имея возможности выйти за пределы цифрового общества, тем не менее, остро нуждаемся во взгляде на происходящее «сверху» или со стороны. Такой взгляд необходим для понимания взаимоотношений граждан с властью, для оценки воздействия на массовое сознание со стороны различных заинтересованных акторов, для определения жизненных стратегий, позволяющих сохранить автономию и столько степеней свободы, сколько необходимо для защиты достоинства личности, погруженной в «цифру». Автору диссертации, на мой взгляд, удалось грамотно подобрать методологический аппарат, чтобы выглянуть за рамки происходящего, зафиксировать и описать наиболее значимые тренды реидеологизации цифрового общества, тем самым решив научную проблему, имеющую важное политическое, социальное и культурное значение, и сделав личный вклад в науку.

Структура диссертационного исследования определена целью и задачами, определенными автором. Диссертация состоит из введения, основной части, включающей четыре главы, заключения и библиографического списка из 638 наименований.

Далее в целях иллюстрации научной новизны промежуточных и ключевых выводов, а также логичности структуры изложения представлен краткий анализ содержания исследования.

Первая глава **«Феномен реидеологизации: философские основания и социально-исторические трансформации»** является развернутым и концептуальным описанием реидеологизации как социально-философского и социально-политического феномена.

В первом параграфе **«Идеология в ракурсе методологических поворотов социально-философского знания»** обозначаются основные вехи развития идеологического мышления и бытия идеологии; показывается, как меняются восприятие идеологии и ее аксиологические модальности; описываются социально-философские и социально-политические предпосылки перехода от деидеологизации к реидеологизации и анонсируются особенности процессов реидеологизации в цифровом обществе, которые более подробно рассматриваются в следующих разделах диссертационного исследования.

Второй параграф **«Цивилизационно-темпоральная динамика реидеологизации: философско-исторический подход»** посвящен обоснованию размышлений диссертанта о корреляциях цивилизационных и идеологических трансформаций. Идеология адаптируется к различным социокультурным условиям и способам коммуникации, поэтому на современном этапе изучение реидеологизации невозможно без привлечения методологического и концептуального инструментария медиафилософии.

В третьем параграфе **«Цифровая идеология в структуре политической коммуникации»** диссертант предлагает авторскую концептуализацию феномена цифровой идеологии, которая интерпретируется как последний на текущий момент этап эволюции идеологического сознания в условиях гибридизации виртуального и реального, человеческого и машинного. Автор прибегает к сочетанию социального конструктивизма и субъектно-ориентированной онтологии, оговаривая неординарность такого сочетания, однако аргументация диссертанта не вызывает принципиальных возражений, а актуальность обозначенных подходов только обостряется в условиях развития систем генеративного искусственного интеллекта.

Импонирует подход диссертанта, который в первой главе не задается задачей дать самое полное и истинное определение понятия «идеология», но показывает предпосылки формирования современной ситуации, перехода от приоритета текста и рациональности к визуальному образу и эмоциональности в идеологическом дискурсивном пространстве через трансформацию исследовательских подходов к изучению идеологии.

Вторая глава **«Субъекты реидеологизации в цифровом обществе»** посвящена детальному изучению трансформаций политического субъекта в условиях цифровизации и расширения круга субъектов реидеологизации за счет нон-антропных и коллективных сущностей.

Параграф 2.1 **«Идеологические смыслы в медиаповестке: публичная деятельность политиков как фактор реидеологизации»** содержит описание

интересного поля напряженности, образовавшегося в силу переноса публичной деятельности политиков в цифровую среду. Поскольку в политической философии преимущественное право на позицию политического субъекта признается за индивидом (даже коллективные и институциональные сущности персонализированы – см. с. 97), автор выделяет три ключевых типа субъектов реидеологизации: политики, молодежь, представители творческого сообщества, разделенных по своим эхокамерам (правда, молодежь незаметно уступает место человеко-машинному гибриднему субъекту в параграфе 2.2, но не исчезает из поля внимания, а мигрирует в четвертую главу исследования).

Описывая особое положение политиков как субъектов реидеологизации в цифровом пространстве, автор оперирует понятием «гражданская бдительность»: феномен, вырастающий из возможности через цифровые средства коммуникации оперативно транслировать требования (преимущественно этического характера) граждан к публичному поведению представителей политических элит. В результате складывается принципиально новая форма масс-элитного взаимодействия с активным включением граждан в процессы реидеологизации, базирующиеся на ценностях социальной справедливости, равенства, прозрачности и ответственности.

Во втором параграфе второй главы **«Гибридизация субъектности в цифровом обществе: от сетей к алгоритмам»** диссертант акцентирует внимание на встрече человека с алгоритмом в цифровом субъекте реидеологизации. Пользователи, взаимодействующие с алгоритмами и таргетирующими механизмами, попадают в «фильтрующие пузыри», и, по видимому, самые рефлексирющие приобретают алгоритмическую паранойю. В круг субъектов реидеологизации включаются платформенные корпорации и разработчики алгоритмов (с. 119).

Процессы скрытой идеологизации описываются как неотъемлемые элементы социотехнического бытия. Однако диссертант апеллирует и к источникам критического характера, в которых опровергается тезис о невозможности сопротивления человека алгоритмическим манипуляциям и выхода из фильтрующего пузыря. Впрочем, тезис автора о сдвиге идеологической рациональности в сторону идеологической аффектики оставляет мало пространства для оптимизма.

Третий параграф второй главы **«Творческая элита как цифровой агент реидеологизации»** посвящен анализу включения представителей творческого сообщества в процесс реидеологизации. Диссертант подмечает интересное противоречие: с одной стороны, пользователи понуждают инфлюэнсеров

публично высказывать политическую позицию; с другой стороны, не относят (как правило, совершенно обосновано) творческую интеллигенцию к авторитетам в вопросах политики. Кроме того, автор диссертационного исследования выделяет четыре блока политико-культурных кодов, транслируемых представителями российской творческой элиты, распределяющихся в спектре от подчеркнутой аполитичности до подчеркнутой протестной позиции (с. 146-147), хотя смещение выборки (преимущественно анализировались интервью знаменитостей, которые явно не артикулируют поддержку государственной власти) не позволяет рассмотреть эти коды как законченную схему. Построение такой схемы, на мой взгляд, представляет собой небезинтересную научную задачу, особенно с учетом расслоения творческого сообщества после начала СВО.

Третья глава **«Технологии реидеологизации современности»** имеет преимущественно прикладной характер, отличается подробным рассмотрением инструментов визуализации идей и ценностей, задействованных в процессах реидеологизации.

Параграф 3.1 **«Визуализация идеологических кодов в ситуации постмодерна»** посвящен доказательству важного методологического тезиса о том, что современные визуализация – это не иллюстрация идеологием, а форма их бытования в цифровом обществе. Диссертант делает акцент на визуальном повествовании, осуществляемом при помощи кинематографа, который на текущий момент выполняет своеобразную функцию канализации тревожности и отчаяния, возникающих от осознания мощности воздействия на сознание личности идеологических конструктов, переводя их в форму иронии, скептицизма и цинизма. В результате парадоксальным образом появляется доверие к визуальным медиа, которые «формируют восприятие реальности, схожее с мифологическим мировоззрением архаических обществ» (с. 166).

Второй параграф третьей главы **«Темпоральные режимы идеологического проектирования позднего капитализма»** содержит анализ представлений о времени, которые наиболее устойчиво воспроизводятся в цифровом обществе: дефицит будущего, перманентное настоящее, сакральное прошлое. Темпоральное измерение цифрового общества продуцирует ретроспективную идеологию, которая через визуальные коды проникает в ткань реальности, рутинизируется и влияет не только на политические нарративы, но и на повседневные практики. Кинематограф, о котором шла речь в предыдущем параграфе, успешно включается в этот процесс, причем, как отмечает

диссертант, вне зависимости от его «географического или культурного происхождения» (с. 191).

В параграфе 3.3 **«Метафоризация идеологического пространства»** описаны процессы трансляции визуальных идеологических образов при помощи цифровых инструментов, обеспечивающих массовое потребление. Политические нарративы перемещаются в фантастические и фэнтезийные миры, меняя способы восприятия идеологием и позволяя легко и безопасно обсуждать актуальные политические проблемы. Диссертант очень ярко иллюстрирует защищаемые положения, апеллируя к различным визуальным образам: от американских супергероев до советских политических лидеров (подробно обсуждается образ Ленина). Кроме того, описывается, как оборотни, зомби, вампиры, инопланетяне, роботы становятся метафорическими репрезентациями социальных конфликтов и моральных дилемм. Интересна заслуживает и талантливый авторский анализ образов России, продуцируемых зарубежными создателями визуальных идеологических нарративов. Результаты анализа могут быть полезны для углубления понимания современных геополитических процессов и определения точек приложения «мягкой силы».

Четвертая глава **«Реидеологизация социально-политического пространства в современной России»** представляет собой приложение изложенных ранее соображений к российскому политическому контексту. Автор работает преимущественно с периодом с 2012 по 2023 год (в автореферате заявлен 2025 год (с. 30)).

В параграфе 4.1 **«Процессы реидеологизации в постсоветской России: идеи, дискурсы, тренды»** дается авторская интерпретация причин перехода российского общества от принципиальной деидеологизации к реидеологизации. Это явно отразилось как в риторике (духовность и традиционность уверенно вытеснили инновации и модернизацию), так и в визуальных образах, ориентированных, в том числе, на вектор переосмысления истории и сохранения исторической памяти, задаваемый и поддерживаемый государством. Диссертант весьма неординарно работает с фигурой практического философа и четко обозначает развилку, на которой стоят современные российские философы: сотрудничать с государством в конструировании образа будущего и концептуализации достойного социального проекта или отмежеваться от идеологии, дабы не уплыть на очередном философском пароходе.

Параграф 4.2 **«Социально-эпистемические арены идеологических дискуссий о советском прошлом»** представляет собой своеобразную энциклопедию образов советского прошлого, артикулированных в российском

медиапространстве. Конкурирующими за внимание пользователей идеологическими образами являются антисоветизм, советский патриотизм и патриотизм державного типа. Пользователи, включаясь в обсуждение данных образов, участвуют и в их конструировании, становясь, тем самым, активными участниками реидеологизации. Фактически, перманентным настоящим в России становится советское, представленное в четырех нарративах: «раньше было лучше», «сейчас намного лучше», проведение аналогий и констатация преемственности» (с. 283).

Завершающий параграф главы и диссертации в целом **«Идеологическая акселерация российской молодежи»** выглядит более перформативным, чем аналитическим, в отличие от всех остальных. Здесь диссертант показывает, как молодежь вовлекается в процессы реидеологизации, ориентируясь в большей степени на форму политических репрезентаций, чем на содержание меседжей субъектов реидеологизации. В тексте раздела просматривается попытка как можно подробнее объяснить, как молодежь потребляет и производит медиаконтент политического характера, чтобы защитить «цифровых аборигенов» (особенно младших зумеров) от чрезмерных политических манипуляций. В качестве теоретического фрейма автор использует радикально-медийную теорию политизации. Также диссертант подчеркивает возникновение напряженности ввиду несовпадения уровня политологической и социальной экспертности молодежи и уровня владения системами ИИ, способными взаимодействовать с человеком на естественном языке (чат-боты, голосовые помощники). Молодые люди в большей степени склонны эмоционально воспринимать новые технологии, поэтому можно ожидать еще большего смещения политического дискурсивного пространства в область человеко-машинного взаимодействия. Вопросы социальной справедливости, честности, (не)равенства, вероятно, все чаще будут обсуждаться с ИИ, чем с другими людьми. Это требует формирования новой идеологии коммуникации людей с «не-людьми». В качестве принципов, лежащих в основе такой идеологии, диссертант называет субъектоцентризм, прозрачность и трансгуманизм (с. 318), однако, не раскрывает их содержания в контексте реидеологизации в целом и включения молодежи в процессы реидеологизации в частности.

Общий вывод, сделанный по результатам проведенного масштабного исследования, носит, скорее, оптимистический характер: реидеологизация нужна для консолидации общества вокруг общих ценностей и смыслов в условиях кризиса коллективной идентичности и проекта глобализации. Поэтому скептицизм и эскапизм в отношении идеологии малоконструктивен; необходимо

междисциплинарное сотрудничество в изучении реидеологизации в цифровом обществе.

В целом, проведенное диссертантом исследование и полученные им результаты имеют высокую научную новизну, теоретическую и практическую значимость. Однако есть некоторые замечания, которые носят, скорее, дискуссионный, чем критический характер, но могли бы быть полезны для уточнения и дальнейшего развития отдельных тезисов.

1. Совокупность положений, выносимых на защиту, обладает системными характеристиками, однако вызывает вопрос универсальность этих положений. Теоретические фреймы, используемые диссертантом, в основном сконструированы в русле западной философской традиции. Насколько процессы реидеологизации в условиях цифровизации протекают одинаково в различных макрорегионах и отдельных государствах? Повсеместно ли распространен кризис классических идеологий? Идентичны ли процессы использования инструментов цифрового идеологического контроля, например, в России и КНДР? Проявляют ли граждане последней цифровую бдительность? В параграфе 1.3 диссертант делает акцент на невозможности единообразия цифровой идеологии в условиях глокализации (с. 86), но было бы интересным дополнительно проверить отдельные положения, выносимые на защиту, на универсальность или, как минимум, универсализуемость.

2. В кратком описании параграфа 1.3 в автореферате анонсируется рассмотрение развития цифровой идеологии в ситуации возникновения гибридного человека-машинного разума, но в самом параграфе данный тезис не заявлен и не рассмотрен. Повествование обрывается на социальных медиа и малых форматах пользовательского контента, хотя генеративные, а особенно – агентные системы ИИ «напрашиваются» на то, чтобы занять «свято место» на шкале эволюции цифровой идеологии. В параграфах 2.2 и 4.3 данный вопрос рассмотрен подробнее, но включение небольшого блока в завершение 1.3 не противоречило бы общей логике изложения. Что произойдет в момент перенасыщения цифрового коммуникативного пространства немаркированным ИИ-контентом политического содержания?

3. По прочтении первой главы остается легкая недосказанность по поводу причинно-следственных связей между цифровыми технологиями и реидеологизацией: погружение общества в «цифру» подстегнуло реидеологизацию, или же она началась преимущественно вследствие кризиса классических идеологий и геополитических процессов, а новые технологии послужили удобной формой трансляции текущих конкурирующих идеологием, т.е

идеология приспособилась к новым формам коммуникации, но не была порождена ими?

4. Интересно было бы прояснить отношение диссертанта к феномену гражданской бдительности: это, скорее, позитивная практика, основанная на важных идеях и ценностях (справедливость, ответственность, прозрачность), которую следует поощрять и поддерживать, или же есть риски своеобразного цифрового морализма, когда реидеологизация не столько повышает моральные ожидания граждан от политических и творческих элит, сколько поощряет ритуальное осуждение и рессентимент, нарушающий перспективы продуктивных масс-элитных коммуникаций?

5. Диссертант утверждает, что современные визуальные технологии возвращают общество к мифологическому мировоззрению. Это довольно смелая аналогия, которая требует уточнения. Мифологическое мировоззрение обладает рядом характеристик, включая вполне подходящую для аналогии антропоморфизацию нон-антропных объектов и не слишком релевантный антиисторизм. Если аналогия с мифологической архаикой работает полностью, то как это коррелирует с выводами диссертанта о темпоральных параметрах идеологизации (вытеснение из идеологической повестки образа будущего и ориентацией на прошлое)? Для мифологического восприятия реальности нет времени, есть то, что существует всегда. Если бы мы были погружены в структуры мифического мышления, вряд ли мог бы ощущаться дефицит будущего, а кинематограф и иные визуальные медиа не использовались бы столь интенсивно для сакрализации прошлого. Мифологическое мышление было бы бесчувственно к таким темпоральным реперным точкам. Перманентное настоящее (с. 179) – это все-таки настоящее, а не вечное «всегда». Интересна позиция диссертанта по данному вопросу.

6. В заключении диссертационного исследования не хватило обозначения (возможно, намеренного) позиции автора как философа на развилке. Призыв к объединению философского, социологического и политологического подходов к изучению реидеологизации, учитывая ее цифровое бытование, не закрывает в полной мере потребности в получении ответа на один из вечных русских вопросов: «Что делать?».

Данные замечания никоим образом не умаляют значимости полученных диссертантом результатов и его самостоятельного вклада в науку.

Основные положения и выводы исследования прошли апробацию на международных и всероссийских научных конференциях, а также нашли свое отражение в 51 научной публикации, включая 15 публикаций в изданиях,

рекомендованных ВАК Минобрнауки, и 7 публикаций в изданиях, индексируемых в международных базах данных (Scopus, Web of Science).

Автореферат диссертации соответствует ее содержанию.

Диссертация И.В. Сулова представляет собой законченное научное исследование на актуальную тему, закрывает существенный пробел в осмыслении процессов реидеологизации в современном обществе и имеет высокую степень научной новизны. Результаты исследования имеют теоретическую и практическую значимость и подтверждают решение значимой научной задачи.

Таким образом, диссертация «Реидеологизация цифрового общества» отвечает требованиям, предъявляемым п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 года, поскольку в ней содержится решение задач, имеющих значение для развития философии, а ее автор Сулов Иван Владимирович заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия.

01 апреля 2026 г.

Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор
кафедры уголовного права и процесса
Средне-Волжского института (филиала)
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет
юстиции (РПА Минюста России)»

Коваль Екатерина Александровна

Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

Адрес организации: 430005, Респ. Мордовия, г. Саранск, ул. Федосеенко, д. 6

Телефон: 8 (8342) 25-03-23

e-mail: kafedra.kafedra@ipr.yandex.ru

